

18+

Диана Фад

НЕ УХОДИ,
никогда

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

Диана Фад

Не уходи, никогда!

«Автор»

2023

Фад Д.

Не уходи, никогда! / Д. Фад — «Автор», 2023

Две счастливых семьи были трагически разрушены в один день, одни остались дети - без отца и матери. Пережить такое сложно, но нужно жить дальше. Найти в себе силы не просто жить, а, возможно, полюбить. Тяжело себя простить и отказаться от мысли, что предаешь память по ушедшему, предаешь свою любовь к нему. Чья вина в случившемся? И кого стоит наказать или попытаться простить...

© Фад Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
ГЛАВА 1. Даниил	6
ГЛАВА 2. Надя	8
ГЛАВА 3. Даниил	10
ГЛАВА 4. День рождения, Даниил	12
ГЛАВА 5. Похороны, Даниил	14
ГЛАВА 6. Варя, год спустя	16
ГЛАВА 7. Варя, Вика	19
ГЛАВА 8. Варя, Антошка, Максим	21
ГЛАВА 9. Варя, Антошка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Диана Фад

Не уходи, никогда!

Предисловие

Часто бывает, что мы не замечаем, как проходят наши дни. Воспринимаем все, как должное, вот сейчас: отведу детей в садик, школу, побегу на работу, вечером заберу, приготовлю ужин, спать уложу. В субботу день рождения у мамы, подарок нужно купить, а в следующем месяце отчет сдавать, придется до поздней ночи сидеть. Муж пришел с работы усталый, но обнял, телевизор сел смотреть. И все это жизнь, обычная, спокойная, надежная. И вдруг она трещит по швам, резко так, сразу. Утром был человек, а вечером его нет. Он больше не придет, не обнимет, не прижмет. Все, что было связано с ним остается мертвым грузом: в разбросанных или аккуратно сложенных в шкафу вещах, его любимой чашке с танком или бабочкой, его сорт кофе или ее духи на полке. А самого человека нет. Вначале ты ждешь звонка, поворота ключа, вздрагиваешь, наткнувшись в телефоне на его контакт или на фотографию в соцсетях. И вспоминаешь, а его же нет, но он вот он, улыбается, держит сына на руках или свечи на торте задувает. Или вот она из роддома с цветами и улыбкой.

Понимание приходит позже, когда начинаешь себя обрывать на словах «Надо сказать ей, что опоздаю к ужину», а сказать некому... Только там, на кладбище, когда приходишь сначала на сорок дней, потом полгода или год, а может чаще или реже, удивляешься, а как я так живу? Ее то нет, а я есть. Живу без нее, без заботы, смеха, ласки, без любви ...

ГЛАВА 1. Даниил

Утром проснулся, когда солнечный луч начал нагло рваться в глаза. Не задернутая до конца штора стала причиной пробуждения в это субботнее утро. Открыл глаза, вытягивая руку, стараясь нащупать теплую грудь Нади, и наткнулся на холодную подушку. Так и есть, жена уже встала и видимо спустилась вниз, оставив меня одного. В доме было тихо, но даже сюда донесся вкусный запах жареных блинчиков. Завтракать я хотел, но больше мечтал, что проснусь, обниму еще сонную Надюшку, заберусь руками под короткую футболку, сожму упругую теплую грудь, а дальше... Ох, чтобы я сделал дальше. Вчера лег поздно, жена уже спала, отложил занятие любовью на утро, а теперь мучаюсь. Как назло, первый выходной за месяц, а мечты пропали впустую.

Встал с кровати, морщась от болезненной твердости внизу живота. Мой друг жил своей жизнью и требовал удовольствия. Когда я занимался сексом? Месяц или два назад? Новый проект настолько завалил меня работой, что я только что не спал у себя в офисе. Приходя домой почти падал на кровать, желая только одного, выспаться. А утром уезжал, не всегда успевая позавтракать. И вот, проект сдан, выходной есть, а жены рядом нет. Гадство!

Прошел в ванную, остановился, разглядывая себя в зеркало. Ну что, Даниил Николаевич, завтра вам тридцать пять. Вы многого добились: свой бизнес, счет в валюте, хороший дом в два этажа с бассейном и сауной, а да, еще маленькая дочь, которой три года и красавица жена, которая сбежала на кухню. Супер!

Залезаю под душ, включая почти холодную воду, чтобы снять возбуждение и выскакиваю из него через пять минут, кляца зубами. Зато своего добился, могу спокойно надеть тренировочные штаны и боксеры, не порвав их по швам. Вышел из комнаты, спускаясь по широкой лестнице, слушая, как из кухни доносятся голоса дочери и жены. Заглядываю тихо в кухню и улыбаюсь. Мои девочки вдвоем пекут блинчики. Надюшка стоит у плиты, рядом с ней на невысокой скамеечке дочка и наливают в сковороду тесто, затем ловко переворачивают золотистый блин. Рот наполнился слюной, не часто Надя печет блины, а сегодня суббота и домработница на выходном, вот и орудуют они сами на кухне.

– Папа! – спрыгивает Вика со скамейки и подбегает ко мне, – Ты сегодня дома? – спрашивает дочь, цепляясь за мою ногу и поднимая взгляд котенка.

– Да, Котенок, дома, – улыбаюсь ей и подхватываю на руки. Вика довольно визжит и обнимает за шею.

– Мы с мамой блинчики печем, – сообщает дочь, – У нас есть стуженка и сметана, ты с чем будешь? – смотрит на меня серьезно.

– И с тем, и с этим, – пытаюсь шутливо укусить ее за нос, отчего она визжит, смеется.

Подхожу к жене, наклоняюсь и провожу губами по изящной шее, покусываю ушко с золотой маленькой сережкой-гвоздиком с бриллианчиком.

– Предательница, – шепчу ей, намекая на неудавшееся утро. Надя улыбается и поворачивается ко мне, целуя в щеку.

– Вика встала рано, я ушла, чтобы не будить тебя, дать поспать, – оправдывается жена, а я рычу, пытаюсь ее укусить. Надя смеется, а Вика восторженно кричит. Мои девочки.

– Вечером, – обещает жена и я закатываю глаза, – Отвезу Вику к родителям и весь вечер и ночь наша, – тихо шепчет мне на ухо, отчего в штанах снова становится тесно.

– Я запомнил, ты обещала, – наигранно сердито говорю ей, сажая Вику у стола на ее высокий стульчик.

– Обещала, значит, сделаю, – смеется Надя, а я провожу рукой по ее упругой маленькой попке, черт, как же хочу! – Не трогай, – шутливо бьет по рукам Надя и всовывает мне в руки тарелку с горячими блинами.

– Я голодный, как волк, – ставлю тарелку на стол и добавляю, – Похотливый волк.

– Папа, что такое похотливый? – сразу подхватывает Вика незнакомое слово, а я как всегда впадаю в ступор при таких вопросах дочери.

– Папа хотел сказать прожорливый волк, да папа? – грозно смотрит на меня Надя, и я выдыхаю с облегчением.

– Ага, прожорливый, ты не расслышала, котенок, – сажусь напротив дочери и тянусь к блинам, складывая себе на тарелку и обильно поливая сгущенкой. Жмурюсь от сладости и вкусности, блин будто тает во рту. – Вкуснотища то какая!

– Вкуснотища, мама! – сразу повторяет дочь, но это слово можно, поэтому я киваю с набитым ртом.

Надя ставит передо мной чашку эспрессо, а перед Викой какао и садится сама.

– Мы сейчас уедем к маме, я отвезу Вику. Мама с отцом собрались вести ее в парк, а потом на день рождения к Варапаевым, там Вику ждет Инга. – докладывает Надюшка, поедая вареное яйцо всмятку. Жена вечно сидит на диетах, хотя мне ее фигура нравится, даже можно чуть мяса нарастить. Она и так стройная, высокая, с длинными волосами пшеничного цвета, красота моя. Сiju люблюсь ею, соскучился, месяц почти не видел.

– Ты только отвезешь Вику и сразу домой? – уточняю я, хочу приготовить ей сюрприз, романтический вечер.

– Немного побуду у родителей, но в парк с ними не поеду,

– Хорошо, – лукаво улыбаюсь я, одной из своих чарующих улыбок.

– Так, Золотницкий, ты что там задумал? – прищуривается Надя.

– Я? Ничего, – поднимаю руки будто сдаюсь и все равно хитро улыбаясь.

– Ну —ну, – не верит мне Надя.

ГЛАВА 2. Надя

Как не собирались, а выехали только через час. Мама уже мне весь телефон оборвала «Выехали или нет?». Потом пришлось переодевать Вику, схватила блин со сгущенкой в последний момент и ляпнула пятно на светло-голубое платице. Стою на крыльце, ожидая пока спустится дочь, а сзади подходит Даниил, прижимается ко мне бедрами.

– Ого, Золотницкий, ты в полной боевой готовности? – смеюсь я и поворачиваюсь к мужу, ловлю его горячий поцелуй.

– Может, задержитесь на пол часика? – целуя меня, спрашивает Даня, – Мульттики Вике включим?

– Даже не думай, мы и так опаздываем. Но вот когда я вернусь ... – провожу языком по его губам и врываюсь внутрь. Даниил прижимается еще крепче, сжимая мои бедра. Чувствую, как между ног становится жарко и влажно, хочу его, сил нет. Месяц не было секса, виделись урывками и то в основном утром.

– Хочу тебя, – шепчет мне в губы Даня, – Возвращайся быстрее!

– Мама, я готова, – выскакивает на крыльцо дочь, и мы отстраняемся.

Вика кажется собрала весь свой игрушечный зоопарк: из розового рюкзачка торчит голова плюшевого зайца, а в руке за ухо волочится большой серый бегемот.

– Вика, ну Кешу то куда? – ворчу я на бегемота, но видимо он все же поедет с нами.

– Мама, мы Кешу посадим на переднее сидение и пристегнем, – сразу находит выход Вика, и мы все вместе идем к машине, которую уже выгнала из гаража охрана. Я водитель так себе, права давно, а ездить начала пару месяцев назад, когда Даня подарил мне на нашу пятилетнюю годовщину БМВ, перламутрово-красного цвета. Машина новая, красивая, езжу я осторожно, не лихачу.

Сажаем Кешу вперед, Вику в детское кресло и выезжаю за ворота, послав Дане воздушный поцелуй.

Сегодня суббота, машин на дороге мало, до родителей добираемся за полчаса. Наш коттеджный поселок от их дома недалеко и не нужно въезжать в Москву. Очень удобно. Когда искали место под дом, выбирали поближе к Куркино, чтобы родители были рядом. Я тогда беременна Викой была и хотела близости к родным. Даня мне не противоречил, хотя ему в Москву добраться дальше получилось, но уже привыкли за три года.

Мама встретила нас на крыльце, накинув на плечи шаль.

– Ну сколько можно? Мы так на день рождения к Варапаевым опоздаем, – причитает она, пропуская нас в дом. Их дом намного меньше нашего с Даней, обычный коттедж на три комнаты. В доме пахнет пирожками и Вика сразу бежит к деду, повиснув на нем и целуя.

– Привет, пап, – подхожу к отцу и получаю поцелуй в щеку. – Мам, я поеду тогда, вы же скоро выезжаете? – хватаю на кухне пирожок с луком и яйцами, вгрызаюсь в него. Еще горячий. У нас с мамой талант к выпечке, за что не возьмемся: тесто, начинка, пирожки, торты – все получается. Я даже хлеб дома сама пеку. Стараюсь, когда домработницы нет, побаловать семью домашним. Когда Даня пошел вверх со своим строительным бизнесом, я стала мечтать о своей кондитерской, но пока строили дом, потом рождение Вики, было не до этого. А сейчас можно, финансы есть, мечты, и желания хоть отбавляй. Займусь, обещаю сама себе. Сегодня же поговорю с Даней.

Он у меня хороший архитектор, но ушел в строительство, хотя не забросил. Проектирует иногда для друзей дома или как сейчас, когда закончили проект коттеджного поселка с бассейном, школой и детским садом. Большой проект, стройка начнется в ближайшие месяцы. Снова я мужа не увижу. Оттого тороплюсь домой. Завтра у него день рождения, заказан торт, ресторан, банкет, придут друзья, родители. Тридцать пять, надо же, уже такая дата.

- Надюш, а может с нами? – выходит мама из кухни, вытирая руки о фартук с рюшами.
- Нет, мам. Даня ждет, хотим день вместе провести, – улыбаюсь я, чмокая дочь в щеку, –

Слушайся бабушку и звони мне, хорошо?

- Да, мама, – прижимается ко мне дочь, – Ты завтра, когда приедешь?
- Ближе к обеду, ты же помнишь, что у папы день рождения?
- Помню, я сегодня с бабушкой ему подарок нарисую, – обещает Вика.
- Ну раз Даня ждет, то конечно, – обижается мама, – Не может без тебя день провести.
- Мам, я его почти месяц не видела, – пытаюсь оправдаться, натягивая куртку, которую сняла.

– Что за работа такая, месяц семью не видеть, – ворчит мать и выходит на крыльцо, проводить меня, – Осторожнее, не гони.

– Да я и так, как черепаха ползаю, – смеюсь я, выходя из дома и усаживаясь за руль. Мама снова на крыльце, провожает. – Мам, завтра часам к двум подъеду, заберу Вику, а вы в ресторан к пяти приезжайте.

- Хорошо, доедешь, позвони, – как всегда заботится мама и крестит меня на дорогу.

Выезжаю на трассу и включаю музыку. Вика не любит, то что я слушаю, поэтому при ней у нас просто радио. А я люблю альтернативный рок или мелодичный, мне нравится, дочери нет. Вот и сейчас еду, подпевая под Кукрыниксы, дома ждет Даня и целый вечер вдвоем. Можно выпить вина и пожарить шашлык на задней террасе. Но думаю, до шашлыка не дойдет, судя по настрою мужа, закажем себе роллы и проведем вечер в постели, соскучилась, сил нет.

На перекрестке загорается зеленый, и мягко трогаю машину с места и тут же жму на тормоза. Мимо пролетает какой-то псих, игнорируя свой красный. Сзади раздаются гудки, и я еду, держа дрожащими руками руль. Еще секунда и этот придурок в печатался бы в меня со всей дури. Ноги дрожат, по спине ползет холодный пот, напугал, козел.

Подъезжаю к своему коттеджному поселку и жду, пока откроется шлагбаум. Руки все еще подрагивают, пытаюсь успокоиться. Дане не буду рассказывать, начнет кричать, запретит садиться за руль. Да и нет тут моей вины. Это не я летела сломя голову на красный. Въезжаю в свои ворота и выхожу из машины, кидая ключи охране, чтобы загнали в гараж.

- Завтра в час где-то поеду за дочерью, – говорю Сергею, и тот кивает.
- Выгоню машину к часу,
- Спасибо, – иду в дом, предвкушая встречу с мужем. Почти сутки наши, только вдвоем.

ГЛАВА 3. Даниил

Мои девочки уехали. Слоняюсь по дому, сходил в бассейн, немного поплавал, после зашел в тренажерный зал, минут сорок потел на беговой дорожке и отжимался. После душа встал у зеркала, рассматривая себя. За этот месяц забросил упражнения и кубики на животе уже не такие явные. Но похудел, что есть, то есть. Скулы выпирают, вокруг глаз тени залегли. Ничего, проект сдан, теперь только стройка, легче чуть будет. Вспоминаю, что надо юристам договора с поставщиками скинуть на проверку и иду в кабинет, открываю ноутбук. За работой сам не заметил, как прошло пару часов, только слышу, хлопнула входная дверь. Смотрю на часы, откидываясь на спинку кресла. Может Надя вернулась? Спускаюсь вниз и застаю ее, когда она снимает куртку и сапожки. Джинсы обтягивают стройные ножки, грудь колыхается под тонким свитером.

Подхожу к ней и молча взваливаю на плечо, как ковер и иду в гостевую спальню. Надюшка смеется и шутливо вырывается. Кидаю ее на кровать и падаю сверху, сдергивая свитер, расстегивая пуговицу на джинсах, и провожу губами по плоскому животу, издавая рычание. Кожа на ее животе подрагивает от смеха, но вскоре он стихает, когда касаюсь ее между ног. Слышу стон и целую там, наслаждаясь ее вздохами. Ее тонкие пальцы перебирают мои волосы, и я усиливаю натиск, лаская ее. Дыхание обоих учащается, и Надя тихо вскрикивает, чуть подрагивая.

– Хочу тебя, – шепчу ей, поднимаясь к губам и одним рывком снимая брюки вместе с боксерами. Наконец я в ней, чувствую ее, до скрипа в зубах, до пелены в глазах. Ее ноги кладу на плечи и вхожу глубоко, яростно. Надя кричит, и я ловлю ее крик губами, сам теряя над собой контроль. Мысли уплывают в никуда, оставляя только острое наслаждение и сладкую боль.

После лежим на полу в гостиной на меховой шкуре, лениво лаская друг друга. Рядом на полу стоит бутылка вина и нарезка сыра. Я зажег камин и в его свете кожа Нади кажется полупрозрачной, выдавая голубые дорожки вен. Я целую эти дорожки, трогая мягко губами и прижимая ее к себе. Надя довольно улыбается, проводит пальцем по моему животу, вызывая новую волну желания.

– Принести еще вина? – спрашиваю ее,

– Давай, – соглашается жена и я иду вниз, в погреб, совсем голый. Ищу бутылку белого полусухого и поднимаюсь обратно. Замираю у входа в гостиную, люблюсь своей женщиной, что лежит на животе на белой шкуре и с улыбкой смотрит на меня.

– Я люблю тебя, – говорю, опускаясь рядом с ней и целую.

– И я люблю тебя, – тихо говорит Надя, прижимаясь ко мне всем телом и целую. – Я бы не смогла без тебя, Дань. А ты?

– Что я? – спрашиваю ее, не отвлекаясь от поцелуев ее груди.

– Смог бы без меня? – спрашивает Надя,

– Конечно смог бы, – говорю шутливо и сажаю ее на себя, показывая, как бы смог.

– Ох, – Надя закрывает глаза, наслаждаясь движением, – А вот я бы не смогла, без тебя, – выдыхает она и вскрикивает от наслаждения.

– Да, и я... – начинаю я, но не могу связно думать, когда она вот так, на мне, – Не могу короче, не смогу, – бессвязно говорю ей и уплываю, тону в ощущениях.

Мы так и уснули на полу, у камина, накрывшись покрывалом с дивана. Утром я наконец то получил, о чем мечтал, и мы перебрались на кровать в гостевой комнате, проспав еще пару часов. Проснулся от поцелуев жены, самое приятное утро.

– С днем рождения, милый, – шепчет на ухо Надя, слегка покусывая, – У меня для тебя подарок, – говорит мне и сует в лицо какую-то тонкую полоску.

– У-у, спасибо, – говорю я, снова притягивая ее к себе и целую грудь.

– Дань, открой глаза! – говорит Надя, и я открываю, фокусируя взгляд на этой полоске.

– Что такое? – говорю хмуро, до меня еще не доходит, что она хочет сказать этим.

– Подарок мой, – пихает меня в бок Надя и я замираю, наконец то понимая, что она хочет мне сказать.

– Ты беременна? – говорю удивленно. В груди загорается огонек радости и вспыхивает пламенем. Мы два года уже стараемся сделать малыша, но все никак. Проверились оба, но не получалось.

– Да, два месяца почти, – гордо говорит жена, – Хороший подарок? – смотрит встревоженно.

– Да... Еще бы! – прижимаю ее к себе, целую, – Я рад, очень, ты не представляешь, как! – почти кричу ей. – Это не подарок, а подароше!

Надя счастливо смеется, и я благодарю ее, самым что есть прямым способом.

После лежим, я перебираю ее пальцы, рассматривая розовые ноготки и кольцо.

– Знаешь, – говорю ей, – Я никогда не был так счастлив, как сегодня, сейчас, в эту минуту. Я очень хочу ребенка от тебя, лучше сына. – поворачиваюсь к ней, приподнимая за подбородок. – Я очень счастлив с тобой, Надюш.

– Я знаю, – улыбается она и целует меня в губы долгим поцелуем, – Я тоже счастлива. Ты подарил мне пять лет полных радости и смеха, у нас замечательная дочь и возможно будет сын. Я люблю тебя, Даня. Никогда не покидай меня. – говорит она, внезапно став серьезной.

– Я никогда не уйду от тебя, даже не думай, – улыбаюсь ей,

– Ну все, мне пора ехать за Викой, – неохотно встает Надя, кутаясь в простыню. Я шутиливо тяну ее к себе за ткань, и она смеется.

– Мне поехать с тобой?

– Нет, встретимся в ресторане, не опаздывай, – смеется она, вырывая у меня все же простынь. – Я возьму платье и переоденусь у родителей, оттуда в салон, а потом в ресторан. Не забудь, ты должен быть там полпятого.

– Хорошо, – соглашаюсь я и снова тянусь к ней, она убегает от меня, но я догоняю, подхватывая на руки и возвращая на кровать. Мы занимаемся любовью страстно и спешно, оттого остро, жгуче.

Надя уходит в душ, а я лежу, прикрывшись простыней и расслабленно улыбаясь, как мартовский кот. Ребенок, у нас будет ребенок. От этой мысли мой рот растягивается в улыбке от уха до уха. Самый лучший подарок на день рождения.

ГЛАВА 4. День рождения, Даниил

Надя уезжает, а я поднимаюсь в кабинет, снова просматриваю присланные юристами договора с пометками. Отвлекаюсь на звонки от друзей и родителей, которые спешат поздравить с праздником. Первой позвонила мама, затем Юра, мой друг детства.

– Что старик, песок уже сыпется? – смеется в трубку Юрка.

– Да иди ты, – огрызаюсь шутливо.

– Ну, короче с днюхой тебя, счастья там, здоровья и бла бла, – желает друг, – Ну и конверт в ресторане получишь. Много тебе туда положить?

– Сколько не положишь, все мое, – смеюсь в ответ,

– Лады, положу, не переживай. До встречи тогда.

– До встречи, – улыбаясь, отключаю звонок и снова беру. Я сегодня как мой секретарь, ей Богу.

– Даниил Николаевич, с днем рождения вас, – начальник безопасности, Вадим.

– Спасибо, Вадим, жду вас в пять, – говорю ему, и тот подтверждает, что будет.

Телефон ненадолго смолкает, и я успеваю сходить в душ. Время уже почти два, а я еще не завтракал. Жарю себе яичницу и варю кофе, подставив чашку в кофемашину. Телефон периодически пиликает, идут поздравления. После трех звонит Надя.

– Дань, мы выезжаем от мамы, не забудь, костюм я приготовила, туфли твои внизу в шкафу. Мы с Викой в салон поехали, – слышу голос дочери,

– Папуля, с днем рождения! – кричит она.

– Спасибо, котенок, – отвечаю ей по громкой связи, – До встречи, люблю вас,

– И мы тебя! – кричат хором мои девочки.

Я отключаю телефон и валюсь на диван, почти час смотрю какой-то фильм и потом вскакиваю, начиная собираться. Долго ищу рубашку, но нахожу ее под пиджаком, что приготовила Надя. Приглаживаю вихор на макушке у зеркала и спускаюсь во двор, где Сергей уже подогнал мою машину.

– Вас сопровождать Даниил Николаевич? – спрашивает он, предварительно поздравив меня.

– Нет, но я позвоню, когда нужно будет подъехать, выпить хочу, – улыбаюсь ему, сажусь за руль.

– Конечно, – смеется в ответ Сергей и я выезжаю за ворота, направляясь в Москву. Мы долго с Надей выбирали ресторан, пока я не вспылил и сказал, что мне некогда заниматься ерундой. Она выбрала сама и конечно пафосный и чуть ли не в самом центре. Сегодня воскресенье, а мне добираться туда минут сорок, а то и час.

Наконец я на месте, меня сразу подхватывает управляющий и показывает накрытые столы. Зал красивый, хрустальные люстры, большие окна, мраморный пол. На столах расставлены приборы и посуда, тарелки с закусками и фруктами, напитки. Нади еще нет, и я встаю у входа, вглядываясь в входящих гостей. Первой появляется моя мама, целует в щеку. Отца у меня нет, умер давно от сердечного приступа, лет восемь уже. Даже внучку и Надю не успел увидеть.

Затем появляется Юра с женой, слышны смех и разговоры, я отвечаю на поздравления, встречая других гостей. Нади пока нет, начинаю злиться. Когда звонит телефон, резко отвечаю:

– Слушаю,

– Даниил Николаевич? – незнакомый голос в трубке немного напрягает, но я улыбаюсь очередным гостям. – Золотницкий?

– Да, он самый, – подтверждаю я, пожимая руку Артему, моему заместителю.

– Я должен сообщить вам кое-что важное, вы только не волнуйтесь,

– Говорите уже, что там, – обрываю собеседника, начиная закипать.

– Дело в том, что ваша жена, Золотницкая Надежда Дмитриевна, попала в аварию, – продолжает собеседник, а я застываю, это что шутка какая? Розыгрыш на день рождения? Не смешно, за такое и морду набить можно.

– У меня гости и с кем я разговариваю? – говорю сердито.

– Майор полиции Ширин Геннадий Петрович, извините, не представился,

– Ничего, переживу, – ворчу я.

– Вы меня слышите, Даниил Николаевич? Ваша жена погибла, – продолжает майор.

– Я оценил ваш юмор, – начинаю я, но ответ прошибает меня с ног до головы холодным потом.

– Это не юмор, Даниил... Николаевич. Произошла авария, со смертельным исходом. Водитель, что врезался в машину вашей жены, скончался на месте. Надежду Дмитриевну пытались достать, но она умерла по дороге в больницу.

– А Вика? – с трудом произношу я слова.

– Ваша дочь в тяжелом состоянии доставлена в шестую травматологию, – отвечает собеседник.

– Где... Где Надя? – с трудом произношу слова, тяну руку к галстуку на шее, он душит меня.

– Отвезли в двадцатый морг, – говорит собеседник и воцаряется тишина. Я не знаю, что сказать. – Вы меня слышите? Даниил Николаевич?

Я опускаю трубку, задыхаясь. Мне не хватает воздуха, галстук душит, в глазах темнеет.

– Даниил, а вот и мы, – подходят ко мне родители Нади, – думали вовремя, но там жуткая пробка из-за аварии, – Даниил, где Надя?

Передо мной возникает управляющий:

– Торт привезли, Даниил Николаевич, вот, – он указывает на мужика с большой коробкой в руках. – Куда его? На стол или пусть на кухне пока стоит.

– Откройте, – глухо говорю я и управляющий снимает крышку с торта. Большой, трехъярусный, наверху маленький домик и три фигурки около него. На нижнем ярусе надпись: «С днем рождения, наш любимый». Я смотрю на эту надпись и понимаю, что это какая-то жесткая шутка, черный юмор. Поднимаю руку и врезаюсь кулаком в торт, сбивая домик, фигурки и ломая надпись. Бью со звериным рычанием, сминая коржи и крем, разбивая красоту.

Кто-то хватается за руки, пытается оттащить от торта, повсюду летят куски с кремом. Я ору и бешусь, меня держат втроем. Нади нет, нет ее. Нет будущего ребенка, нет больше семьи, нет счастья. Слышу громкий крик матери Нади, ее завывания, когда ей говорят, что случилось. Вижу, как прижимает ко рту ладонь моя мать. Как бледнеет Надин отец и вырываюсь, выбегаю из ресторана. Сажусь в свою машину, но меня из-за руля отпихивает Юра и садится сам.

– Двинься, еще не хватало чтобы ты куда-нибудь въехал, – говорит он мне и вырывает со стоянки у ресторана. – Куда?

– Двадцатый морг, – говорю глухо, но он слышит.

Я хочу убедиться, что Надя там, что это она, а не кто-то другой. И еще я не верю, не верю этому звонку, не верю словам. Надя сейчас приедет, она просто тоже в пробке, а это ошибка, однофамильцы, так бывает. Бывает?

ГЛАВА 5. Похороны, Даниил

Морг я помню смутно, только чужое лицо Нади, что увидел, когда откинули серую простынь. На белом лбу запеченная кровь и больше ничего. Казалось, она сейчас откроет глаза и рассмеется своим чудесным смехом, как перезвон колокольчиков. Сядет и скажет: «Шутка, Золотницкий» и я сам задушу ее, за эту жесткую шутку, за этот смех. Но она лежала и не открывала глаза, будто спала.

Я взял ее ледяную уже твердую руку и поднес к губам, пытаюсь согреть своим дыханием. Снял с тонкого пальца обручальное кольцо и сжал в своей руке, чувствуя, как впиваются в кожу грани от камня. Это не сон, это все на самом деле, но это Надя, она вот здесь, лежит и не встает. Не смотрит на меня, не поздравляет с днем рождения. Просто лежит и молчит, даже не смотрит.

– Ребенок, – выдыхаю я и смотрю на Юру, что стоит рядом. Он качает головой, отрицая. Я слышу только «Маленький срок, там еще нет ничего». Как это нет? Нади нет, ребенка нет, а что есть? Слезы, скупые мужские слезы рвутся наружу. Я не плакал на похоронах отца, а здесь пробило. Чувствую влагу на щеках, но не понимаю, что плачу. Юра выводит меня из морга, и я сажусь на лавочку.

– Дай прикурить, – протягиваю руку другу.

– Ты же не куришь? – удивляется Юра, но достает из пачки сигарету, прикуривает сам и дает мне. – Я займусь всем, Дань. Есть особые пожелания?

– Что? – смотрю на него, не понимая. Вкус сигареты отдает горечью, но я затягиваюсь, затем сминаю ее и кидаю на асфальт. – Какие пожелания?

– Кладбище, цветы, поминки? – глухо говорит Юра, а я морщусь. Какие поминки? Можно подумать мы это обсуждали с Надей или планы строили?

– Хочу, чтобы все было красиво и элегантно, она любит так, – говорю о Наде в настоящем времени, – Розы, белые розы. Никаких гвоздик, она их не любит.

Юра кивает и встает, я тоже.

– Дань, в больницу нужно, – снова врывается в сознание голос Юры, и я вспоминаю про дочь.

– Поехали.

Мы выезжаем с территории морга и направляемся в больницу, где я долго говорю с врачом и оформляю нужные бумаги. Вику готовят к операции, шансы мизерные, но есть. Остаюсь там, отправляя Юру домой. Сажу в коридоре, прислонившись к холодной стене и закрыв глаза. Вся наша с Надей жизнь вспоминается с трудом, будто последние события вытеснили все, что было. Почему-то отчетливо помню последний день, почти поминутно. А если бы я поехал с ней, сам сел за руль? Чья вина в аварии, кто виноват? А, впрочем, неважно, Нади нет, ее не вернуть.

Часов через шесть выходит врач, дочка в коме, травма головы и позвоночника, шанс минимальный. Я тупо киваю головой, находясь в каком-то шоке. Из больницы меня забирает Юра и везет к себе домой, где мы накачиваемся водкой, не чокаясь. Пока меня не вырубает на кухне, за столом. Следующий день помню смутно, все будто в тумане. Меня что-то спрашивают, я что-то подписываю. Снова ночую у Юры, просто падаю на диван в гостиной, после выбора одежды для Нади. Я не еду домой, мне показывают пару платьев из какого-то каталога, бред какой-то.

Прихожу в себя, как ни странно на кладбище. Смотрю на лицо жены, белую кожу с повязкой на лбу, почти белые губы. Ресницы отбрасывают тень на кожу, руки лежат на груди, утопая в белом шелке платья. Я подхожу, целую холодные губы. Беру ее руку и достаю из кармана кольцо, надевая на жесткий палец и прижимаюсь губами. Слышу чей-то плач или вой, но не

смотрю, кто это, просто смотрю на Надю, пытаюсь запомнить любимые черты. Кладу руку на твердый живот, прощаясь с не родившимся сыном, почему-то я уверен, что там в ней, остался наш сын. Вспоминаю свою радость от такого подарка и стараюсь разобрать по кусочкам, отложить в памяти, навечно.

– Я не ушел от тебя, – глухо говорю ей, – Это ты ушла. Забрала с собой все, что мне дорого. Оставила меня. Ты не сдержала обещание. – говорю я тихо и снова касаюсь холодных губ. Меня цепляют чьи-то руки, а я держусь за края гроба. – Это, ты ушла от меня! – кричу я, чувствуя, что меня кроет.

– Даня, отпусти, – говорит мне Юра и сильные руки тянут меня от Нади, уводя от могилы.

– Даниил Николаевич, – слышу, как сквозь вату, голос Вадима, – Дайте проститься родителям.

Сбрасываю их руки и стою, сунув свои ладони в карманы черного пальто. Озноб захватывает меня, и я трясусь, стучу зубами, видя перед собой только ее лицо. Опускается крышка, молотки бьют прямо по душе, забивая гвозди. Все, она там, в земле, где холодно и темно. Надя так не любит мерзнуть, а сейчас она там и я не могу ее согреть. Наблюдаю, как появляется холм и венки на нем, охапки белых роз устилают черную землю. Разворачиваюсь и иду к выходу, за мной бежит Вадим. Открывает дверь машины.

– В ресторан? – спрашивает меня.

– Нет, к дочери. Отвези меня в больницу, – говорю ему, устало откидываясь на сидение, – Я должен быть там, с ней.

Вадим кивает и садится за руль. Мы едем в больницу, где я прохожу в палату, натянув бахилы и халат. Вика лежит, как Надя тихо и не движется. Только приборы моргают и плачут рядом. Но рука дочери теплая, мягкая. Держу ее в своих руках, согревая губами. Вика будто спит, медленно дышит.

– Вика, котенок, проснись, – говорю ей, трогая мягкие, пшеничного цвета волосы, как у Нади. – Ты нужна мне, дочь, очень нужна. – всматриваюсь в закрытые глаза дочери, понимая, что я остался совсем один. Нет больше Нади, нет семьи, нет счастья в моем доме. К горлу подкатывает болезненный комок, и я хрипло выдыхаю, давась слезами.

ГЛАВА 6. Варя, год спустя

Утром подъезжаю к клинике, паркуясь на специальное место для персонала. Достаяю из машины темно-синее пальто, надеваю его. На улице еще вчера была теплая золотая осень, а сегодня ветер гонит по небу свинцовые тучи и холодно. Прохожу через охрану, прикладывая пропуск к турникету и поднимаюсь на больничный этаж, снимая пальто, направляясь в ординаторскую.

– Варя, – окликает меня старшая медсестра, – Привет, Михаил Сергеевич просил тебя зайти, как придешь.

– Что случилось? – спрашиваю ее, вешая пальто на вешалку в шкафу и одергивая узкую серую юбку.

– Вчера девочку к нам перевели, почти 4 годика, может насчет нее, – Зина терпеливо ждет, пока я накину белый халат.

– А что с ней?

– Давай ты спросишь у Михаила Сергеевича, я только историю болезни видела, пусть он подробности расскажет,

– Хорошо, иду, – киваю я, выходя из кабинета и направляясь к главному врачу. – Можно, Михаил Сергеевич? – стучусь и открываю дверь кабинета.

– А, Варя, заходи, – Главный врач стоит у своего стола, перебирая бумаги, – Присаживайся, – указывает он мне на кресло.

Я сажусь, поправляя юбку, и оглядываю кабинет. Как правило я редко бываю здесь, моя работа не предполагает частое посещение главного врача. Я приходящий физиотерапевт, причем хороший, скажу без скромности. Меня приглашают в больницы и на дом, чтобы помочь людям восстановить двигательные навыки, атрофию мышц.

– Варя, к нам поступила девочка, три года. Долго была в коматозном состоянии в другой больнице. Два месяца назад пришла в себя. Ее состоянием занимался больничным физиотерапевт, невролог. Улучшения есть, но минимальные. У нас она побудет пару недель, затем предполагаю выписку и лечение на дому. Ей нужен полный комплекс восстановления.

– Вы предлагаете мне заняться девочкой?

– Да, Варя.

– Но у меня все занято, я просто физически не успею, – возмущаюсь я,

– Насчет Никифорова я договорился и насчет Седоковой, их возьмет Боря

– Борис?! Ну, если Никифоров и согласится, то Седокова точно нет, она стесняется мужчин, тем более этого плейбоя, – усмехнулась я.

– Мне важно, чтобы она согласилась. Ты сходи, посмотри на девочку, ей очень нужна твоя помощь. Ее отец является спонсором нашей клиники, да и не в этом дело, нужно помочь малышке, а это в твоих силах, – уговаривает меня Михаил Сергеевич, – Да и оплата в разы больше.

– Хорошо, я посмотрю ребенка, – соглашаюсь я и главный врач протягивает мне историю болезни, – Но не обещаю, у меня и так все дни загружены, даже выходные.

– Ты справишься, Варя, – отмахивается Михаил Сергеевич, ну да, не у него же маленький ребенок с няней. Антошка и так брошенный, мама почти не появляется дома.

– Почти уговорили, но если Седокова откажется, то ... – развожу я руки.

– Не откажется, сейчас отправлю к ней Бориса, пусть полюбуется на него, – хмыкает главный врач, и я выхожу из кабинета, направляясь в шестую платную палату.

Девочка лежит на чуть приподнятых подушках и настороженно смотрит на меня. Рядом стоит капельница и прибор считывающий общее состояние, пульс, давление, ритм сердца.

Подхожу к ней и сажусь, пододвинув стул к кровати. Девочка очень симпатичная, золотистые волосы заплетены в две косички, голубые глазки на бледном лице кажутся огромными.

– Привет, малышка, – говорю ей и беру ее прохладную ручку в свои руки, чуть трогаю кожу, отмечая тонус мышц, – Как твоё имя?

Девочка смотрит на меня, даже не пытаясь ответить, а я чуть не бью себя по лбу, вот бес-толочь, нужно было изучить сначала историю болезни. Достаяю из кожаного портфеля бумаги, что мне дал Михаил Сергеевич и бегло читаю: травма головы, кома, частичная потеря речевой функции, атрофия мышц, нарушении координации. Понятно. Откладываю бумаги, снова возвращаясь к голубым глазкам.

– Вика, мое имя Варя, я хочу посмотреть твои ножки. Можно? – улыбаясь говорю ребенку и сталкиваюсь со страхом в глазах. – Не бойся, я не причиню тебе боли, хорошо? Я только одну ножку посмотрю?

Вика тяжело дышит, но еле заметно кивает. Я откидываю край одеяла и беру в руки тонкую ножку, провожу пальцами по мышцам, чуть сжимая.

– Здесь чувствуешь? – спрашиваю Вику, и та медленно мотает головой, отрицая. Поднимаюсь чуть выше колена, – А здесь? – утвердительный кивок.

– Отлично, теперь ручки, – накрываю ножку одеялом и беру руку. Вялая, будто неживая. – Так, Вика. Я буду приходить к тебе каждый день, и мы с тобой будем делать упражнения, возможно первые дни будет немного больно, но это необходимо. Я буду также делать тебе массаж, ты знаешь, что такое массаж? – Вика утвердительно кивает, замечательный ребенок.

– У меня много разных масел для массажа, какой запах ты любишь? Есть апельсин, ванилька, малинка, яблочко, Малинка? Хорошо. – улыбаюсь кивнувшей мне девочке. – Тогда увидимся завтра? – Вика снова кивает, и я выхожу из палаты, направляясь в другую. Перед этим захожу в ординаторскую, поздороваться с коллегами и забрать свой саквояж с нужными для массажа кремами и маслами.

В восьмой палате меня ждет Седокова, у которой я провожу терапию колена после операции. Дамочка нервная и высокомерная, но мне удалось найти с ней общий язык. В палате уже сидит Борис и о чем-то увлеченно беседует с моей пациенткой.

– Варя, а мы как раз разговаривали о тебе с Евгенией Владимировной, – вскакивает со стула Борис, ходячая обложка с журнала плейбой. И надо же было родиться таким красивым и пойти в физиотерапевты.

– Добрый день, Борис Олегович, – чуть улыбаюсь я, – Вы, я так понимаю уже познакомились?

– Ой, Варенька, Борис мне сказал, что теперь будет делать мне массаж вместо вас, – сладчайше улыбаясь, говорит пациентка, – Вы уж расскажите ему про то маслице с запахом жасмина, оно мне так нравится!

– Конечно, Евгения Владимировна, – сдерживая улыбку, смотрю на Бориса, – Оно у меня с собой. Давайте, Борис Олегович, я вам покажу наши проблемные места.

Борис кивает, и мы с ним ныряем головами в мой саквояж, где у меня лежат мои сокровища. Массажные масла, разогревающие и улучшающие кровообращения мази и крема.

– Ого, сколько у тебя тут всего, – шепчет мне на ухо Борис, а я достаю небольшую баночку и передаю ему. Я сама делаю смеси, добавляя в них отдушки, каждому пациенту приятно, когда при болезненном массаже их окружает аромат, что им нравится. В состав обязательно добавляю обезболивающее, пусть пациентам будет комфортно.

– Вот, это массажная мазь для Евгении Владимировны, ей нравится запах жасмина. Бери понемногу, она хорошо держится и скользит, когда кончится скажи мне, я сделаю еще, – сую баночку в руки Бориса.

– Спасибо, Варя, – улыбается своей обворожительной улыбкой Борис, строя мне глазки, – Ты настоящий друг.

– Борь, ну все, я побежала тогда, у меня Антошка дома с няней. Хочу раньше вернуться, – складываю все баночки в сумку, – А у Евгении Владимировны хорошенько разработай икры, а то она боится вставать, чувствует слабость.

– Хорошо, может сходим в ресторан в субботу или в кино?

– Нет, Боря, мы с тобой уже это обсуждали, – строго говорю я, закрывая саквояж и приближаясь к кровати пациентки. – Ну что, Евгения Владимировна, зайду к вам на днях, проведу.

– Конечно, Варенька, надеюсь, Боренька хороший профессионал своего дела, – соглашается пациентка и я хмыкаю, как быстро этот плейбой стал Боренькой.

Прощаюсь с обоими и выхожу из палаты. Сегодня освободилась раньше, заеду еще к одной пациентке и домой, побуду с сыном. Антошка и так меня почти не видит.

ГЛАВА 7. Варя, Вика

Почти две недели мы с Викторией каждый день проводим физиотерапию и сегодня она смогла поднять немного свою руку, я в восторге.

– Молодец, малышка, – улыбаюсь ей, поглаживая пальчики, – А теперь сжимай мой палец, сильно-сильно, как только можешь, – Вика напрягается, а я чувствую лишь слабое подергивание. Так, нужно больше упражнений на моторику. – Молодец, завтра принесу тебе мозаику, будем собирать, хорошо? – Вика кивает и чуть улыбается. Это уже не первая ее улыбка за эти две недели.

– Кто вы такая и что здесь делаете? – слышу гневный голос у двери и оборачиваюсь, рассматривая молодого мужчину в накинутах белом халате на плечи, – Почему вы с моей дочерью?

– Я – ее физиотерапевт, – почему-то начинаю оправдываться, но мужчина отмахивается и выходит, хлопнув дверью. Слышу только «Черти, что!» и шаги по коридору. Ясно, пошел к главному врачу, но я здесь не просто так, я лечу его дочь. – Это твой папа? – оборачиваюсь к Вике, и она кивает, снова улыбаясь.

– Ух, какой он у тебя грозный и сердитый, рычит, как серый волк, – улыбаюсь я и замираю, видя, как глаза ребенка наполняются слезами, – Вика, что случилось? Тебе больно? – встревоженно спрашиваю ее, ощупывая ручки и ножки. Девочка отрицательно мотает головой.

– Вот, посмотрите, она довела моего ребенка до слез, – снова слышу сердитый голос, и в палату входят Михаил Сергеевич и тот мужчина, отец Вики.

– Даниил Николаевич, это не посторонний человек, это Варвара Дмитриевна-физиотерапевт, самый лучший, должен отметить. Она занимается с вашей дочерью уже две недели и насколько я заметил есть прогресс,

– Почему я не знаю, что такой молодой специалист занимается моей дочерью? – сердито говорит мужчина, оглядывая меня с головы до ног, будто я двоечница-студентка на пересдаче.

– Ну знаете ли, – начинаю закипать я, – Если вам не нравятся мои методы лечения, я могу и уйти, – начинаю судорожно собирать свой саквояж, почти закидывая туда свои драгоценные баночки.

– В-а-а-р-я-я, – раздается тихий голос с кровати, чуть растягивая слоги, и мы все замираем, удивленно смотря на Вику, девочка морщится, делает усилие, приоткрывая рот, – О-с-т-а-н-ь-ся-я, – снова тянет она.

Мужчина подсакивает к кровати и садится на край, осторожно приподнимая свою дочь за худенькие плечики:

– Скажи еще что-нибудь, котенок, неважно что, – просит ее отец, а его дочь улыбается, глядя ему в глаза.

– П-а-па-а, – шепчет она, а я вижу, как у мужчины слезы текут по щекам. Отворачиваюсь сама, чтобы не заплакать, такие моменты просто выворачивают наизнанку.

– Я приду завтра, Вика, до свидания, – говорю строго и направляюсь к выходу из палаты, – До свидания, Михаил Сергеевич.

– До завтра, Варя, – кивает мне главный врач и я иду по коридору, спускаясь по лестнице. Уже когда сажусь в свою машину, вижу, как ко мне быстро идет отец Вари. Разглядываю мужчину, на вид лет 35, очень симпатичный, чем-то похож на итальянца, темные волосы до плеч, черные глаза, немного смуглая кожа. Очень красивый, одет дорого и элегантно.

– Варвара Дмитриевна, подождите, – кричит он мне, и я со вздохом вылезая из машины, потуже запахнув свое пальто.

– Извините меня, пожалуйста, – встает он напротив меня, и я замечаю какие у него длинные и черные ресницы, ну точно итальянец. – Моя дочь, она...заговорила, – продолжает мужчина, сглатывая слова.

– Да, у Вики есть заметные улучшения, – соглашаюсь я, – Извинения приняты.

– Вы же не откажетесь теперь от нее? – встревожился мужчина, – Поймите меня правильно, я не думал, что специалист может быть таким молодым.

– Вы тоже мне кажется не слишком старым, однако я вижу, что это не мешает вам добиваться определенных успехов, – оглядывая его дорогое коричневое пальто и итальянские ботинки, сказала я.

– А это, да, – как-то потеряно отвечает отец Вики, будто только сейчас заметил, во что он одет. – Еще раз прошу простить меня. – глухо говорит он и поворачивается, чтобы уйти.

Я сажусь в машину и поворачиваю ключ зажигания. Отец Вики снова возвращается, и наклоняется к моему окну, я опускаю стекло.

– Завтра Вику выписывают, я хотел бы, чтобы вы и дальше продолжили с ней заниматься, – говорит он, вглядываясь в меня черными, как ночь глазами. В груди у меня разливается неожиданное тепло, и я чувствую, как щеки покрывает румянец.

– Где вы живете? – спрашиваю я, отводя взгляд и закрываясь волосами.

– В коттеджном поселке, в сторону Куркино, – с готовностью отвечает мужчина.

– Об этом не может быть и речи, – произношу я, – Я порекомендую вам другого специалиста.

– Но вы же не можете бросить Вику? – с горячностью упирается он.

– Это слишком далеко, мне до вас добираться пару часов, а по пробкам и того больше. – снова отказываюсь я, мне и правда ездить в ту сторону не близко.

– Тогда переезжайте ко мне! – обреченно вскрикивает он и я удивленно смотрю на него, –
Прошу вас!

– Вы в своем уме, у меня семья, ребенок, – возмущенно говорю я.

– Семья, – как-то глухо произносит он и отталкивается от моей машины, – Вы давно за рулем? – к чему-то спрашивает он и я киваю:

– Достаточно,

– Хорошо, еще раз извините, – и он уходит, кутаясь в свое пальто.

Я смотрю ему вслед, отмечаю походку уставшего человека и сгорбленные плечи. Трогаюсь с места и еду домой, я не могу помочь всем, но если я буду каждый день ездить на другой конец Москвы, то мой сын скоро забудет, как зовут и как выглядит его мать.

ГЛАВА 8. Варя, Антошка, Максим

– Мам, я не буду кашу, – кидает маленькую ложку Антошка в свою тарелочку с зайцем и брызги манки падают на его столик.

Я поворачиваюсь от плиты, где готовлю себе омлет и смотрю на главного мужчину в своей жизни. По недовольной мордочке, перемазанной кашей, расплзается лукавая улыбка. Два зубика сверху торчат, и мне становится смешно, но стараюсь не улыбаться, нельзя, я строгая мама и нужно завтракать.

– Ладно, – отворачиваюсь к плите и открываю верхнюю полку, где стоит вазочка с его любимыми конфетами, Мишка на севере. Беру, медленно разворачиваю одну конфету, так чтобы Антошка видел и кладу на столешницу. Слышу позади потрясенный вздох:

– Ты ее съешь? – говорит удивленно сын.

– Да, вот сейчас съем омлет и полакомлюсь конфеткой. – Я поглаживаю пальцами темный шоколад, ожидая, что будет дальше.

– А мне? – спрашивает обиженно Антошка.

– Ты не доел свою кашу, а я омлет доем, а конфетка только тому, кто съест все, – неприлично говорю я.

– Тогда я тоже буду омлет, – начинает гнуть свою линию мелкий тиран. – Я не хочу кашу!

– Давай так, я ем половину твоей каши, а ты половину моего омлета? – вижу, как хмурятся светлые бровки, мой мужичок усиленно думает.

– Давай, – наконец говорит он, и я улыбаюсь.

Накладываю в две тарелки готовый омлет и забираю у него манную кашу с изюмом. Ставлю рядом какао в стакане и кладу раскрытую конфету. Антошка воспитанный парень, выполняет, что обещал: быстро запикивает омлет и запивает какао, не сводя взгляда с конфеты. После мы моем испачканную мордочку и ручки в ванной, и я отпускаю на волю своего двухлетнего сына. Он все больше становится похож на отца: движениями, мимикой, копной непослушных золотистых волос.

Присаживаюсь на ковер рядом с ним и вспоминаю о Максиме, моем муже. Тот погиб чуть больше года назад, в аварии, а я помню этот день, как будто он был вчера. Именно день, потому что все, что случилось потом, примерно до сорока дней, просто стерлось из моей памяти.

***** год назад

– Варь, где мой синий галстук? – кричит муж из нашей спальни, а я вздыхаю «Ничего найти не может»

– В шкафу под голубой рубашкой, – отвечаю ему, двигая карусельку из ярких игрушек над кроватью сына. Антошка приболел и всю ночь не давал мне спать, плакал от того, что забивался сопельками носик. Я прислонилась к кровати, опустив растрепанную голову на руки и почти засыпала, глядя на чуть повеселевшего сына.

– А где голубая рубашка? – снова раздается крик, что-то падет, слышу тихое «Черт!». Встаю и иду в нашу спальню, где Максим сгребает с пола осколки моей любимой розовой вазы с нарисованными белыми маками.

– Под серым пиджаком, – говорю ему, а тот поднимает взгляд и смотрит на меня. Потом встает и перешагивает кучку, оставшуюся от вазы и протягивает руки, чтобы прижать меня к себе.

– А серый пиджак где? – шепчет мне на ушко, зарываясь носом в волосы и находя сразу мое слабое место на шее. Целует, проводя теплыми губами и я как всегда плыву, несмотря на усталость. Максим такой сильный, высокий, красивый, я просто тону в его руках. Мой муж хитро оглядывается на открытую дверь и тянет меня к кровати.

– Макс, стой, нет, – пытаюсь я вырваться, но он лишь крепче сжимает меня и одним движением сдергивает длинную футболку, под которой ничего нет, кроме маленьких белых трусиков. Его руки тут же накрывают мою грудь, а так как на нем ничего нет кроме банного халата, то

– Макс, Антошка не спит, – выдыхаю я, чувствуя, как низ живота сводит огнем, опалая желанием.

– Мы быстро, – продолжает шептать он и нежно толкает меня на шелковое покрывало. Быстро, это действительно быстро, особенно когда у тебя годовалый ребенок, который скоро поймет, что мамы рядом нет, и поднимет крик. Я провожу коготками по его спине, и Макс ускорится, рвано вдыхая воздух. Меня накрывает горячей волной, и я глухо вскрикиваю, ловлю губами его тихие стоны. Провожу ладонями по спине, хаотично трогая жесткие мускулы. Мы быстро получаем разрядку, и Макс утыкается носом в мою грудь, все еще вздрагивая.

– Успели, – бурчит он и я начинаю хихикать, вздрагивая животом, отчего голова мужа чуть подпрыгивает.

– Н-да, – соглашаюсь я, – С каждым разом все быстрее и быстрее.

– Тебе не понравилось? – поднимает он на меня свои зеленые глаза в обрамлении светлых ресниц.

– Понравилось, но хотелось бы дольше, – говорю я и выползаю из-под него, чмокаю в щеку, но он снова сгребает меня обратно и целует, медленно и глубоко. Наши ласки прерывает недовольное хныканье сына, которое вскоре перерастет в громкий плач. Со вздохом поднимаюсь, нахожу в шкафу серый пиджак с рубашкой и галстуком, подаю Максиму, который развалился на кровати абсолютно голый и снова в полной боевой готовности.

– Ого, Максим Леонидович, вы я смотрю не успокоились, – шутливо говорю я, пытаюсь вытащить из-под него свою футболку.

– Успокойся тут, – окидывает мое голое тело голодным взглядом Максим. – Давай завтра с Антошкой побудет няня, а мы сбежим в гостиницу на вечер? – предлагает муж, а я смеюсь.

– Он болеет, Макс, нашему сыну нужна мама, а не няня, – щелкаю мужа по носу и выхожу из комнаты, на ходу одеваюсь.

– А мне? Мне женщина нужна? – кричит вслед Максим.

– Ты уже большой и справишься как-нибудь, – со смехом отвечаю ему, заходя в комнату сына. Антошка уже стоит в кроватке и ревет, пуская пузыри.

– Ну и кто тут у нас плачет? – говорю ему и беру на руки, целуя пухлую и мокрую щечку.

– Я, сейчас заплачу, – ворчит из комнаты муж.

Через десять минут он выходит из спальни, полностью одетый. Заходит к нам и берет сына на руки.

– Спасибо тебе, мужик, – говорит Максим сыну, – За десять минут тишины. – я заливаюсь смехом, а Антошка тоже улыбается отцу.

– Ты надолго? – спрашиваю я, когда Максим возвращает сына в кроватку.

– Не думаю, сегодня отдежурю, а завтра свободен, – отвечает Макс, натягивая в прихожей темно-серое пальто. Я вышла следом и поправляю ему шарф.

– Нет операций на сегодня?

– Одна, не сложная, если не подкинут работенки, – Макс берет свой портфель и целует меня в щеку, – Ты же знаешь, как в выходные бывает, нажрутся и давай друг друга молотить или еще хуже ножами раскидывать, а то и по голове кого треснут.

– Да уж, но надеюсь без происшествий в этот раз.

– Я тоже, пока, – Максим выходит и все, больше мы нашего папу не видели, никогда.

ГЛАВА 9. Варя, Антошка

– Варя, он просто уснул, даже не понял, что случилось, – говорил мне сидящий рядом Павел, друг и коллега Максима, когда все сидели в кафе на поминках.

– Но в крови был алкоголь, откуда он, – отвечаю я, чуть замедленно, растягивая слова. Язык еле двигается, после того, как меня накачали успокаивающим на кладбище. Меня душит черный платок, и я срываю его с головы.

– Не знаю, – отвечает мне Павел, приобнимая за плечи.

– Все ты знаешь, только не говоришь, – грубо говорю ему, намекая на коньяк, что вечно стоит у них в ординаторской.

– Операция была сложная, длилась почти 12 часов, может и махнул после рюмочку в кабинете, – оправдывается за мужа Павел.

– Рюмочку, – начинаю я подвывать, меня снова накрывает. Тихо скулю, утыкаясь носом в рубашку Павла. Тот прижимает меня крепче и гладит по голове.

– Варь, ну успокойся, прошу тебя, – уговаривает меня Павел, а я не могу, слезы сами текут. Откуда только они берутся, казалось за три дня я их все выплакала, а их еще много.

– Паш, пусть поплачет, – говорит Люда, его жена, – Легче будет.

– Легче?! – приподнимаю я заплаканной лицо и смотрю на нее волком, – Мне будет легче? – срываюсь на крик, отталкивая от себя руки Павла. Встаю, отшвыривая от себя стул и оглядывая притихшую толпу друзей, знакомых коллег. В кафе становится тихо, а я замираю, видя перед собой только размытые лица.

– Варя, сядь, – тянет меня вниз Павел и я падаю на стул, который он поднял.

– Он спас того мужика? – зачем-то спрашиваю я, не глядя на Павла.

– Какого?

– Того алкаша из кафе, которому голову разбили? – не знаю, почему для меня это важно.

– Спас, – глухо отвечает друг мужа и опрокидывает в себя рюмку с водкой, не закусывая сидит.

– Максим спас мужика, оперируя его 12 часов, чтобы потом уснуть за рулем, – начинаю смеяться я. Смех накрывает меня так сильно, что скоро я уже хохочу, повторяя только одно «Спас алкаша, чтобы тот жил». Мой смех злой, истеричный, не могу остановиться. Чувствую, как вокруг меня начинается суета, а я хватаюсь за живот, содрогаюсь от смеха. Мою руку кто-то дергает и в вену входит игла. Я продолжаю смеяться, пока не падаю в темноту, проваливаясь в никуда.

Месяц брожу по квартире словно тень. Приехала моя мама и она сидит с Антошкой. Я не могу подойти к сыну, все в нем напоминает мне Максима, да и нет сил. Я больше лежу, уплывая в сон, похожий на бред. Меня пичкают какими-то таблетками, уколами, я ничего не чувствую. Чаще лежу, смотрю в белый потолок, даже не слышу, как плачет сын. Сорок дней проходят без меня в кафе, я просто не смогла встать. Затем до меня доходит новость о смерти свекрови, сердечный приступ и тут я уже начинаю что-то осознавать, когда оказываюсь на кладбище в день ее похорон. Стою у свежей могилы и завидую ей, свекровь уже с Максом, они вместе, а я тут, совсем одна.

Возвращаюсь с кладбища и выпиваю все таблетки разом, которые назначили мне. Медленно проваливаюсь в спасительный сон, лишь в какой-то миг вспоминая о сыне. Почти ползу в комнату к Антошке и ложусь на полу у его кровати, где меня и застаёт мать, которая ушла в магазин за продуктами. Она сама врач-терапевт и только ее быстрая реакция спасает меня. Прихожу в себя уже в больнице, с капельницей в руке. Затем меня долго мучает психолог, объясняя, как мне жить дальше и ради кого. Я и сама уже поняла, что чуть не оставила сына сиротой, отчего мне становится стыдно. Возвращаюсь домой через пять дней и рыдая

прижимаю к себе Антошку, который тоже начинает плакать. Мама, глядя на нас заливается слезами, но понимает, что меня чуть отпустило, и теперь я буду жить. Буду жить ради своего сына, пусть пока и не ради себя.

Потом мама уезжает, и мы остаемся в пустой квартире, где больше не появится наш папа, где больше не будет его смеха, крепких объятий. Я первое время ненавидела своего мужа, за то, что он нас покинул, и эта злость помогла мне пережить полгода, а дальше я начала понимать, что так случилось, никто не виноват. Все сложилось в один день, все звезды сошлись, и так было суждено. На Максима попытались завести дело, как на виновника аварии, но мужа не было в живых, дело быстро закрыли. Я даже не спрашивала, почему и как. Первое время не соображала, а потом не хотела вспоминать.

Иногда мне казалось, что Максим сейчас придет, откроет своим ключом дверь и все будет как прежде. Я не могла освободить шкаф от его вещей, убрать со стола бумаги, книги, которые он читал. Лишь когда нечаянно разбила его любимую кружку, вспомнила последний день, разбитую вазу, то просто осела на пол среди осколков и поняла, его больше нет. Это случилось перед первой годовщиной его смерти. Через три дня я стояла на кладбище, держа в руках зонт, который не защищал от проливного ледяного дождя. Рядом со мной молча стояли Паша с Людой, еще несколько друзей. Я смотрела на улыбающегося с фотографии Макса и отпускала его, мысленно прощаясь.

Возвращаясь в тот день домой, я обняла своего сына и вдохнула теплый родной запах. Мой маленький мужичок, так похожий на своего отца почти белыми волосиками и ресницами, улыбкой, взглядом. Я прижала к себе Антошку и начала жить дальше, просто для него. Вышла на работу, вернулась к своим заброшенным пациентам, которые встретили меня с сочувствием и пониманием. С Антошкой сидела няня, наша соседка, пожилая хорошая женщина, бывший педагог, а я нагрузила себя работой по полной, стараясь меньше бывать дома. Оставляя себе только выходные, чтобы побыть с сыном. Я медленно возвращалась к жизни, не думая о завтрашнем дне, которого так легко могло не быть. На меня обращали внимания, делали комплименты, приглашали в рестораны или кино, но я не могла. Мне казалось, что я предаю Максима даже мыслями о развлечениях. Обычная вечеринка с подругами тоже превращалась в пытку, я не давала себе расслабиться и веселиться, вспоминая о погибшем муже. Новый год мы встречали с Антошкой вдвоем, нарядили маленькую елочку и испекли торт. Это были все наши праздники вдвоем. Только день рождения Антошки пришлось принять гостей: мама с моим отцом, друзья Максима и мои, отец Максима. Тот тоже пришел с подарком для внука, но долго не задержался. Ему было тяжело с нами, я его понимала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.